

A detailed illustration of a young woman with long, wavy blonde hair and striking blue eyes. She is wearing a bright red, quilted winter jacket and is holding a small, round, gold-rimmed mirror in front of her face. The mirror's reflection shows a large, realistic human eye with blue irises. In the background, a man in a red vest and blue jacket is riding a brown horse through a snowy landscape. Behind the horse, there are ruins of a large, multi-story stone building, possibly a castle or manor, with snow on its roof and walls. The sky is overcast and grey, with some snow falling.

Анна Долго

Тайна проклятой
усадьбы

18+

Анна Долго

Тайна проклятой усадьбы

<https://litres.ru/73549099>

SelfPub; 2026

Аннотация

О зеркалах рассказано много мистических легенд, их воспринимали как культ и как опасность в разных культурах мира. А что, если за каждым взглядом, улыбкой и вздохом нашего отражения действительно следят те, кому было суждено за свои земные грехи попасть в Зазеркалье? Представляю тебе, мой читатель, новую книгу в жанре «Уютный триллер», в которой тебе предстоит познакомиться с миром Зазеркалья и попытаться разгадать тайны живых и мертвых.

В свои 17 лет Василиса Николаевна Лазарева – первая красавица элитной московской школы с навязчивостью Нэнси Дрю и хладнокровием Уэнсдей Адамс. Можно было бы подумать, что в ее жизни все даже «слишком идеально», если б непростой характер не завел девушку в небольшой городок, как оказывается – окутанный тайнами далекого и не очень далекого прошлого.

Первое расследование Василисы Лазаревой, 17-летней школьницы, которая готова идти своей дорогой, бороться за свой выбор и отстаивать право

Анна Долго

Тайна проклятой усадьбы

Пролог

...Легенда гласит: в восемнадцатом веке, при правлении Екатерины II, в глухой местности, окруженной болотами, стояла богатая усадьба. Владел ею барин, да непростой он был человек, слава дурная о нём до самого Петербурга долетала темной дымкой отголосков людского горя. Всё живое вздрагивало, завидев лишь его тень. Слыл барин в народе Чернокнушником – колдуном, отдавшим душу тёмным силам ради невиданного человеческого уразумению могущества. Уж где он проклятую книгу раздобыл, да что написано было на тех, пропитанных кровью, страницах – неизвестно. Многие смельчаки порывались проникнуть в усадьбу и выкрасть проклятую книгу у колдуна. Да только никто из них домой так и не воротился. У барина была помощница, Фроськой звали, вдвоём они в усадьбе жили. Девка хоть и крепостная, но воспитана как барышня была, наряды носила под стать самой императрице, на балах под присмотром покровителя своего со знатными кавалерами выплясывала. В народе сказывали, что колдовкой сильной она с рождения была. Дар свой с предсмертным криком матери получила. Много крестьян в ту пору пропадало вблизи усадьбы, живыми их уже никто не видывал, а только тела время от време-

ни всплывали из болотной тины. Однажды восстала против Чернокнижника его собственная дочь. Ворвались крестьяне в усадьбу под её предводительством – да только и увидели, что остывшее тело старика на кровати. Выволокли Фроську за волосы и забили до смерти, а на стены каменные весь свой горький гнев выплеснули. Ломали, крушили, жгли. Только башню сломать не смогли – не поддалась она человеческой силе, устояла, словно зачарованная от любого вредительства.

С тех пор минуло несколько веков, болота осушили, тела убиенных закопали в братской могиле, рядом с владениями Чернокнижника построили город, только развалины те остались с нетронутой башней, да легенда городская о некой тёмной силе, бесчинствовавшей здесь в былые времена...

...Я смотрела на его окровавленное тело, небрежно брошенное на ледяную землю позади развалин старой башни. Белый снег кружил вокруг меня и, медленно вальсируя, приземлялся на расплзающуюся лужу крови. Красное на белом – как красиво. Сочетание моих любимых цветов! Почему-то подумалось о красоте смерти, жажде жизни, бессмысленности победы... Мысли путались, боль перестала пульсировать и занемела. Я смотрела на него, пытаюсь найти на распухом лице признаки жизни. Не верилось в окружающую меня реальность, казалось, что я пребываю во сне – дурном, страшном сне. Повсюду валялись осколки битых зеркал. Те-

перь в них отражалось только моё лицо, испачканное кровью. Неужели всё закончилось? Сейчас? Вот так? Я знала, что победила и проиграла одновременно. Я знала, что вместо него в луже собственной крови должно было лежать моё тело...

Глава 1

Блинчики со взбитыми сливками и клубникой

Некоторым людям для того, чтобы получить всё, нужно просто родиться. Именно так говорили обо мне. Мои родители являли собой пример той самой пары, о которой обычно пишут в любовных романах. Он – красавец-бунтарь, со спортивным телосложением и деловой хваткой, она – нежная и ранимая возвышенная натура с глубоким взглядом больших голубых глаз и длинными светлыми локонами, развевающимися на ветру. Красота мне досталась от мамы – длинные ноги, безупречная женственная фигура, роскошные светлые волосы, кукольные черты лица. А вот характером я явно пошла в папу. Может, оттого отношения с ним у нас и не складывались. Каждый настаивал на своём. Только если в моём случае речь шла действительно о моём: о выборе моей будущей профессии, моих друзей, да даже моего наряда для вечеринок – то папу интересовали те же самые вопросы, и он считал себя вправе корректировать мой выбор. Обычно победа оставалась за мной. Все семнадцать лет жизни мне удалось отстаивать личные границы, не позволяя отцу вторгаться в мою жизнь, словно слону в посудную лавку. И вот

теперь между нами развязалась самая настоящая война только из-за того, что я приняла решение поступать в медицинский институт, получить специальность «Лечебное дело», а затем – в ординатуру на «Паталогическую анатомию», чтобы стать патологоанатомом. Доводы о том, что это не женская профессия – возиться с трупами – я не принимала. И если мама только томно вздыхала, изображая глубокий обморок, то папа рассвирепел не на шутку. Казалось бы, из-за чего?

Меня никогда не пугали ни мёртвые, ни живые люди. Те, кто способен дышать, чаще всего относились ко мне восторженно, как к первой красавице частной школы, в которой я училась – к слову сказать, на отлично. Милая девушка, хорошо воспитанная, из семьи состоятельного ресторатора не может производить плохое впечатление. А мёртвые никак ко мне не относились, ибо утратили эту способность. Правда, должна признать, что мёртвых я видела только на экране своего ноутбука. Меня всегда привлекала криминалистика, расследование, поиск улик, жуткие истории о беспощадных убийцах и принципиальных следаках. В то время, как мои одноклассницы с упоением пересматривали все модные драмы, я проводила свободное время за чтением детективов или просмотром видео на моём любимом канале, посвящённом рассказам о реальных преступниках и их поимке.

Вот такой необычный коктейль из милой внешности школьной красотки и заикленной на криминалистике бунтарки получился у моих родителей. Кто им в этом виноват?

Я, что ли? Когда они встретились и полюбили друг друга, папа ещё не был состоятельным владельцем ресторанов в нескольких странах мира – всего приходилось добиваться самому усердием, упорством и рискованными финансовыми операциями. Мне же, как единственной наследнице его империи, было суждено взойти на уже завоёванный престол, что никак не сочеталось с моим выбором профессии.

Коса нашла на камень, скрежетнула и высекла искру. А из искры скоро разгорится пламя. Но не будем торопить события...

Это был последний учебный день в первой четверти. Мой личный водитель, Анатолий, как обычно привёз меня в частную школу «Элита России» к первому уроку. Сверив расписание, согласно которому, после школы у меня была тренировка по дзюдо, затем репетиция выступления в балетной студии, а после – урок китайского в школе иностранных языков, мы попрощались, и я торопливо зашагала к собравшимся у входа в невысокое белое здание друзьям. Конец октября выдался прохладным и дождливым, обещая раннее наступление зимы.

– Лиса, привет, – махнула мне рукой Янка – между прочим, моя лучшая зачатая подруга с первого класса. Наша дружба была основана на соревновании и её подражании мне во всем. Иногда это льстило, в остальное время раздражало, но в целом подчёркивало моё превосходство. Мир, в котором я жила, принимал меня безусловно, и я отвечала ему

надменной улыбкой. Королева школьных балов, первая красавица высшего общества, завидная невеста, лучшая ученица – всё это про меня. А другой жизни на тот момент я не знала. Мои друзья, как и я, являлись наследниками империй, созданных их родителями. С ними мы обсуждали рейтинги лучших отелей Арабских Эмиратов или скуку на Мальдивах, ходили на шоппинг в самые дорогие бутики и снимали особняк в двести квадратных метров для вечеринки.

– Всем привет, – небрежно бросила я, позволяя Андрею окутать меня в своих объятиях. Андрей Минин – единственное, из-за чего у нас с папой никогда не было разногласий. Мой парень был сыном директора строительной компании, голубоглазый красавец с модно уложенными светлыми волосами и ослепительной улыбкой. Герой фантазий многих девочек из школы. Жизнь прекрасна, если это моя жизнь!

– Затусим сегодня после школы в том баре, который нашли на прошлой неделе? Там такие убойные коктейли, – закатил глаза от предвкушения Юрка – высокий, полноватый, улыбчивый сын популярной актрисы. На мой взгляд, ничего талантливого и красивого в ней не было, но папа всегда придвигался ближе к экрану телевизора, когда показывали глубокое декольте Юриной мамы.

Янка даже захлопала в ладоши в знак согласия. Её безрассудная и жадная до удовольствий натура давно бы скатилась до троек в четверти, если бы не упёртое желание быть не хуже меня.

– Сегодня не могу. У меня после школы куча дополнительных занятий, – ответила я, пытаясь соскочить с очередного бессмысленного уничтожения времени. К слову, мне никогда не нравились тусовки и большое скопление людей. Человек не может испытывать одиночество, находясь наедине с собой, если он умеет мыслить. Может быть, поэтому профессия патологоанатома казалась мне комфортной – вроде и работаешь с людьми, но они не отвлекают тебя от твоего дела бестолковой болтовнёй.

– И зачем ты столько на себя взвалила? И дзюдо, и музыка, и танцы, а китайский вообще зачем – не пойму. Хорошо, что хоть бокс бросила, с такими навыками бойца тебе можно было бы в спецназ после школы направляться, – Янка не упускала возможности подколоть меня при любой возможности. Всё же человек – раб своих привычек.

– Или в шпионы, со знанием китайского-то, – громко загоготал Юрка, запрокидывая голову назад. Возникло желание показать им, зачем мне столько дополнительных знаний и физическая подготовка, продемонстрировав удар под дых, декламируя при этом китайские ругательства. Но я сдержалась.

– Это ты, Юрка, маминых фильмов пересмотрел. А зачем вам сидеть в баре и пить коктейли? – парировала я, раздражаясь. Не терплю, когда обсуждают мой выбор или решение. Это же моё дело, не ваше – вот и не лезьте!

– Эй, ты чего? – возмутился Юрка. – В баре весело! Пить

коктейли весело!

– А для меня весело цитировать Конфуция в оригинале!

И это истинная правда!

– Просто у кого-то сегодня плохое настроение! – попытался затупить обострившуюся ситуацию Андрей. – Что-то случилось, кошечка моя?

Раздражение усилилось и зацарапало мне горло. Какая я кошечка? Я – Василиса Николаевна Лазарева, дочь известного ресторатора, прима балетной школы, кандидат в мастера спорта по дзюдо, эксперт-самоучка в криминалистике и будущий патологоанатом! Андрей подходил мне идеально и по статусу, и по внешности. Я посмотрела на него – из длинной челки выбилась прядь, игриво прикрывая правый глаз. Даже после двух лет отношений его безупречная красота, сочтанная с мужественным телосложением, перехватывала дыхание. Он был настолько хорош, что порой казался нереальным. Обходителен, воспитан, внимателен ко мне, из хорошей семьи, с несомненно блестящим будущим. Я улыбнулась, оттаяла. На него невозможно было сердиться долго.

– Опять с папой поругались...

– Из-за чего на этот раз? – влезла в разговор Янка, даже не пытаясь скрыть любопытство, смешанное со злорадством.

– Из-за выбора моей будущей профессии, – просто и честно ответила я.

– А ты уже решила, куда будешь поступать? Почему я до сих пор не знаю? – В больших синих глазах Андрея про-

скользнула обида.

– Да, я решила. Буду поступать в медицинский.

– В Кембридж? – с интересом поинтересовался Юрка. О его страсти к древним английским университетам не знал только глухой.

– Нет, – коротко ответила я, не желая сейчас начинать новый спор по поводу моего выбора.

– А я бы туда поступил, но мамá говорит, что нужно изучать экономику своей страны потому, что у неё здесь связи.

Все промолчали, не желая обижать друга упоминанием о тех связях его мамы, которые обсуждались в интернете.

– Ну, а у меня и выбора особого нет. Или экономический, или архитектурный. А потом к папе в компанию, перенимать навыки и брать в руки бразды правления. – Андрей улыбнулся, глядя мне в глаза, и продолжил, – Ты хочешь быть женой экономиста или архитектора?

В том, что мы с Мининым поженимся, не сомневался никто, даже я. Мы собирались подать заявление в ЗАГС после окончания нашей элитной школы, а до того времени Андрей с терпением, присущим древнегреческой статуе, соглашался на благочестивые отношения, лишённые всякого интима. Конечно, он неоднократно уговаривал меня переступить черту. Зачем хранить невинность до первой брачной ночи, если нам в любом случае суждено прожить эту жизнь вместе? Годом раньше, годом позже... Но, если я что-то решила, то уговорить меня невозможно. А мне хотелось надеть

белое платье как знак невинности и познать любовь во всех её физических проявлениях в качестве законной жены. Так будет правильно, красиво и романтично.

– Тебе решать, любимый, – ответила я совершенно искренне. Какая разница, какую профессию он выберет, если в своё время в любом случае унаследует фирму своего отца и продолжит его дело. А я буду рядом – поддерживать, любить, гордиться.

Он поцеловал меня чуть дольше, чем обычно – нежно, чувственно. Тепло разлилось по всему телу от его прикосновений и благодарности за то, что он со мной, и за то, что он такой, какой есть – идеальный.

То, что должно случиться – случится обязательно! Если представить нашу жизнь как долгую дорогу к обрыву, то неизбежность – это дорожный знак, обозначающий «Дальше движение только прямо», и, как бы ни хотелось – не свернёшь. Лучше, конечно, так не представлять – слишком фатально. На самом деле случилось то, что в тот день последнего урока не было – учитель физики заболел. Нас отпустили домой, и я была вынуждена отправиться в бар вместе со своими друзьями. До приезда Анатолия оставалось по крайней мере сорок минут, а, значит, я успевала выпить пару стаканов апельсинового сока и узнать много лишней для себя информации.

– Я такое платье на выпускной присмотрела! – Яна зажмурила глаза, на губах застыла наигранная улыбка, выражаю-

щая полный восторг, словно она только что вкусила амброзию, предназначенную для богов Олимпа. – Все обзавидуются! Розовое, с корсетом и блёстками на подоле. Стоит примерно как яхта, но папа сказал, что купит.

На последнем слове она бросила взгляд на присоединившуюся к нашей компании Нину. За, казалось бы, простыми словами о предстоящем бале стоял настоящий вызов. Нина являла собой ходячую рекламу маминой новой коллекции. Анастасия Сергеева – известная на всю страну модельер – имела экстравагантный стиль, сводивших с ума всех её почитателей. И тех, кто мог позволить себе покупать одежду в её бутиках, и тех, кто наслаждался чёткими линиями кроя, революционными сочетаниями цветов и дерзкими вырезами, листая страницы модных журналов. Яна относилась ко второй категории. И дело было не в том, что её папа не мог себе позволить побаловать дочь. Он считал, что подобные наряды не подходят его девочке своей броскостью и вычурностью, а ещё вульгарностью и безвкусицей. Приходилось считаться с мнением родителей. Непослушание ведет к блокировке банковской карты – это знали все. В том числе и я, правда, со слов других.

– Мне мама сошьёт эксклюзивное платье, – флегматично ответила Нина. – А вообще ещё рано об этом думать, только конец первой четверти.

Я заметила, как губы Яны скривились, а в глазах вспыхнул огонек зависти, обещающий разгореться в пламя обжи-

гающей мести.

Кучерявый парнишка, немногим старше нас, принёс алкогольные коктейли на подносе и аккуратно расставил их на столике, даже не спросив о нашем возрасте. Зачем? Небольшая компания старшеклассников из среды золотой молодёжи сделает бару недельную выручку за пару часов. Все принялись читать меню. Юрка заказал роллы «Филадельфия», салат с морепродуктами и сухарики, обжаренные с чесноком и копченной паприкой. Все снова деликатно промолчали, не решаясь напомнить другу о его диете.

Апельсиновый сок освежал, аппетита не было. Я мельком бросила взгляд на экран смартфона. Скоро подъедет Анатолий, и мне не хотелось, чтобы он знал о моих посиделках с друзьями. Лишний козырь в руки папе.

– Приятного всем вечера, а мне пора.

– Лиса, брось, уже начались каникулы. Можно позволить себе расслабиться, – протяжно произнесла Яна, делая акцент на слове «расслабиться», при этом кокетливо улыбаясь Юрке,

Андрей прижал меня к себе, словно не хотел отпускать.

– Ты что, так и не выпьешь? – спросил Гарик, и в его прищуренных глазах я увидела желание позабавиться за мой счет.

– Я выпила, ты не заметил? Целых два стакана апельсинового сока.

– А покрепче слабо? – не унимался мой одноклассник,

прославившийся на всю школу задиристым поведением и хулиганскими выходками, которые сразу же реабилитировались крупными жертвованиями со счета его папы, нефтяного магната.

– Главное, Гарик, что мне не слабо поступать так, как я считаю правильным.

– Ну и характер у твоей невесты, Андрюха. Я тебе не завидую.

– А мне нравится. – поддержал меня мой жених.

Я ответила всем присутствующим самой ослепляющей улыбкой из своего арсенала и подозвала официанта.

– Я бы хотела оплатить свой заказ, принесите, пожалуйста терминал.

Молодой парнишка с длинным лицом и наигранной покорностью кивнул и поспешил исполнять мою просьбу.

– Извините, но ваша карта заблокирована, – ответил он, когда я небрежно приложила карту к терминалу для оплаты.

Ситуация выходила из-под контроля, и я напряглась, доставая кредитку.

– Простите, но и эта тоже.

– Вот так вот, Лёса, ругаться с папой, – довольный тем, что смог отомстить, засмеялся Гарик, и все, кроме Андрея, не сдержали смехов в мою сторону.

– Нет проблем, котёнок – я оплачу, – попытался прийти мне на выручку жених.

Обозлённая и униженная, я быстро выбежала из неболь-

шого бара с томной атмосферой, располагающей к интимным встречам. «Вот, значит, как! Ну, что же, папочка, я тебе этого не прощу!»

Именно так думала я, сидя на заднем сиденье кожаного салона «Кадиллака» с перекошенным от злобы лицом. Меня душила обида на отца. Как он мог так поступить со мной? С единственной любимой дочерью, которой ни разу в жизни ни в чём не отказал! Я была его принцессой, его счастьем, его сокровищем – так он сам всегда говорил. Его поступок был расценен мною как предательство, как глумление над теми ласковыми словами, которыми он пускал мне пыль в глаза, укладывая меня спать в детстве, над его восхищёнными взглядами, наполненными чувством гордости и замеченными мною украдкой. И теперь он унижает меня перед моими одноклассниками, не задумываясь о моих чувствах, моей репутации. Как и положено девочке, избалованной не только своими родителями, но и самой Фортуной, я не допускала даже мысли о том, что испытывал мой папа, блокируя мои карты, какие размышления привели его к такому решению, и не было ли в произошедшем моей вины.

По моей просьбе Анатолий привёз меня в ресторан моего отца. В тот день все дополнительные занятия потеряли для меня интерес. Мне нужно было безотлагательно выяснить отношения с человеком, от которого я зависела целиком и полностью – не только материально, но и морально. Влияние папы на меня было огромным, но незаметным. Только

сейчас, переживая вновь произошедшее в своих воспоминаниях, я осознаю, насколько моё поведение было по-детски неправильным.

Я вошла в просторный зал дорогого ресторана; дурманные запахи целого букета различных специй вскружили голову и призвали пробудиться чувство голода. Хрустальные люстры переливались и сверкали под потолком, ослепляя своим блеском и подчёркивая роскошь заведения. Посетители ресторана словно переступали временной порог и попадали на императорский бал конца девятнадцатого века. На полу лежал светлый паркет, столы из массивного дерева уверенно стояли на резных ножках, а мягкие стулья, обитые гобеленом с порхающими по ткани нарисованными колибри, были выполнены под заказ в стиле модерн, модном в последние годы монархии.

Пройдя обеденную залу, я ворвалась на кухню, зная, что папа непременно окажется там. Даже будучи хозяином сети ресторанов в разных странах мира, он любил сам принимать участие в приготовлении блюд, делиться с подчиненными секретами мастерства и первым пробовать получившиеся шедевры. Больше всего усердия доставалось десертам. Папа считал, что правильно выбранное сладкое лакомство способно исправить даже самое плохое настроение и позволить забыть о любых трудностях в жизни.

– Как ты мог? – закричала я не своим голосом, словно внутри меня поселился демон ярости и использовал моё те-

ло, как куклу, в своих играх.

Папа стоял, склонившись у стола, и взбивал сливки. Рядом с ним на тарелке возвышалась целая гора румяных блинов и миска с крупными ягодами клубники. От моего крика все работники кухни замерли, словно в одно мгновение окаменели, превратившись в статуи. Отец обернулся и растерянно посмотрел на меня. На его висках серебрилась седина, постепенно переходя в чёрные отросшие волосы, слегка завивающиеся на концах. Вокруг глаз скопились глубокие морщинки, пухлые губы сжались от досады и моего свирепого вида.

– Лиса, что ты здесь делаешь? Почему не на занятиях? – спросил он, искусственно добавляя в свой голос металлические нотки.

Когда последняя сказанная им буква затихла, в помещении воцарилась тишина. Казалось, что даже шипящие сковороды убавили звук, чтобы не мешать разыгрывавшейся перед ними сцене.

– Ты выставил меня в дурном свете перед моими одноклассниками. Разве я этого заслужила? Я – единственная из нашей школы, кто не ходит на вечеринки и по клубам. Ты вспомни, когда в последний раз мне ставили оценку ниже пятёрки по любому предмету? Зачем ты это сделал? Только потому, что я хочу сама выбирать свой путь и жить своей жизнью?

– Я волнуюсь за тебя, – слишком тихо и устало произнес

он. – Не хочу, чтобы ты своим сумасбродством испортила себе жизнь. Мне достаточно брата, твоего дяди.

– Ты сам постоянно цепляешься к дяде Пете! Чем он-то тебе не угодил? Он свободный! Занимается тем, что любит, и никому не причиняет вреда. И его фотографии, между прочим, печатают самые известные журналы мира! Нет, ты и к нему вечно цепляешься! Для тебя все плохие, кто не делает так, как сказал ты!

– Конечно, его печатают все журналы мира. А много ли настолько безумных фотографов, способных залезть в берлогу к спящему медведю, чтобы сделать снимок? Или преследовать белую акулу до тех пор, пока та не раскроет пасть? А тот случай в Австралии, когда его избил страус и он пролежал три месяца в больнице? Я даже не знаю, где он сейчас находится – на Крайнем Севере или в поисках того самого страуса, чтобы взять реванш. А он – мой младший брат, и я несу за него ответственность.

– За снимок открытой пасти акулы дядя получил премию «Хассельблад». Не слишком ли ты много ответственности на себя берёшь? Дядя Петя – весёлый, интересный, самостоятельный, обеспеченный и известный на весь мир. Он один играл со мной в детстве, потому что тебе всегда было некогда. А мама занималась либо своей причёской, либо садом. И в больнице, после драки со страусом, он встретил тётю Сесиль – свою настоящую любовь!

– Не смей плохо говорить о маме! Мы всегда старались

окружить тебя заботой, при том, что мне приходилось работать как проклятому, чтобы ты ни в чём не нуждалась, а Оленька отказалась от любимой работы, о которой всегда мечтала, ради семьи. Твоя мама – талантливый ботаник, и сад – её отдушина. А что касается твоего дяди, после тёти Сесиль у него было много других тёть и много другой настоящей любви за прошедшие два года. У Петра отношения с женщинами никогда не длились больше трёх месяцев. Так что о тёте Сесиль он забыл сразу после выхода из больницы. Ему тридцать два года, а он ведёт себя, как инфантильный подросток. И я не хочу, чтобы моя единственная дочь пошла по его стопам. Ты – наследница всего, чего я добивался и создавал годами – и это не только привилегия, но и ответственность. Тебе же нравится прикладывать карту к терминалу и получать всё, что ты хочешь? А деньги с неба не падают, их зарабатывают тяжёлым трудом. Ты слишком избалована, Лйса, и тебе пора взрослеть.

– То есть ты считаешь, что если я завишу от тебя материально, то у тебя есть право определять мою судьбу? А если я не хочу заниматься тем, что любишь ты? А если я это не люблю?

– А что ты любишь? Кроить трупы? А ты пробовала? Думаешь, что это романтично? Пересмотрела свои детективы? Надо было давно заблокировать тебе социальные сети, чтобы ты не смотрела своих недоразвитых блогеров.

– Ах, так ты ещё и собираешься контролировать мои ин-

тересы?! Нет, я этого не потерплю! Понял меня?

– Не смей разговаривать со мной в таком тоне! – последняя капля папиного терпения скатилась в миску с белой воздушной массой. От его удара по столу вверх брызнули взбитые сливки, оседая на блинах и клубнике пышным облачком. – Это ты должна понять, что пока ты живешь в моём доме, ешь купленную мною еду, носишь дорогую одежду, за которую заплатил я – ты будешь уважительно относиться к моему мнению, и никакого своеволия я не потерплю!

– А я не потерплю такого деспотизма! – закричала я и тоже хлопнула по столу, перевернув миску с фаршем. – Я лучше буду жить на улице, чем выполнять чьи-то приказы. Это моя жизнь, и я имею право делать с ней всё, что захочу!

В этот момент отец окончательно перестал контролировать себя и запустил в меня тарелкой с блинами, но я успела выбежать из кухни и опрометью бросилась на улицу, плюхнулась на кожаное сиденье «Кадиллака». Стало смешно от мысли, что сегодня вечером посетители ресторана не смогут полакомиться блинчиками со взбитыми сливками и клубникой. Анатолию был отдан приказ:

– А теперь домой!

Вызов был брошен! Слова – сказаны! А я – не тот человек, который отступает, испугавшись трудностей.

Но я была ещё и тем человеком, который трудностей никогда не знал.

Входная дверь намеренно громко хлопнула. Я знала, что

через минуту из зимнего сада выбежит мама.

– Что случилось, розочка моя? Почему личико насупила?

В мире цветов моя мама, несомненно, была бы эустомой – самым нежным цветком. В свои сорок лет она оставалась красивой и изящной женщиной, с длинными светлыми волосами, аккуратно уложенными в высокий конский хвост, и тонкой, девичьей фигуркой. И если благодаря папиной страсти к десертам, о которых приходилось слышать ежедневно, я ненавидела сладкое, то стараниями мамочки меня мутило от любой растительности.

– Твой муж меня окончательно выбесил! – вскрикнула я.

– Что же вы, как кошка с собакой? – всплеснула она руками, сделав лицо мученицы. – Милая, он же твой отец. Уступи ему хоть в чём-нибудь! Нельзя же всё время против всего протестовать.

– Ни за что! Он меня куском хлеба и крышей над головой попрекает! Заблокировал мои карты и опозорил на всю школу! Уверена, что Янка уже обзвонила всех своих знакомых и рассказала им, что меня наказали. За что? За то, что я хочу жить своей жизнью? Да, как дядя Петя!

– Ох, ну, что же ты такое говоришь? Ты же у меня такая умница. Как будто бес вселился, не иначе. Только папе такое не говори. Он остынет, ты остынешь, и всё снова зацветёт пышным цветом.

– Как же меня уже достали твои цветочные метафоры!

В этот момент хлопнула входная дверь, и, надо сказать,

намного сильнее, чем в тот момент, когда это сделала я.

– А ну, не хами матери! – Папа не закричал – потому что кричат люди, человеческим голосом. Он зарычал, как обезумевший от ярости зверь. – Ты – избалованная, глупая девчонка, привыкшая только потреблять то, что для тебя приготовили!

– Отлично! – я закатила глаза. – Теперь пойдут кулинарные метафоры.

– Совсем стыд потеряла? Быстро в свою комнату, и сегодня останешься без ужина!

– Коленька, не надо так! – мама перешла на фальцет, жалостливо уставившись на мужа.

– Оленька, я тебя люблю, мой цветочек, ты знаешь – но твои постоянные уступки этой бесстыжей девчонке её только портят. Сегодня же отключу интернет!

– Ах, так! – завопила я. – Только попробуй! И я разобью бабушкин сервиз!

– Ты мне угрожать будешь? – Папины зрачки расширились, и казалось, что глазное яблоко сейчас вылезет наружу. – Скажи «спасибо», что я ещё способен терпеть тебя в этом доме!

Мама села на диван и замычала, растирая виски, что означало головную боль от происходящего.

Я топнула ногой и закричала в ответ на отца:

– А я могу и уйти, чтобы тебе не приходилось меня терпеть!

– Скатертью дорога! Проголодаешься – вернёшься!

Я опрометью взбежала по лестнице в свою комнату, достала из гардеробной чемодан и принялась закидывать в него вещи. Чтобы затем вместе с ним гордо прошествовать мимо родителей ко входной двери.

Мама что-то нашёптывала на ухо папе, даже её влажные глаза не смягчили его строгий нрав, и он смотрел на меня грозно, без намерения останавливать.

– Лисонька, зонтик возьми, сегодня дождь обещали, – донёсся её срывающийся на рыдания голос прежде, чем я хлопнула за собой двери.

Короткий осенний день клонился к закату, на улице заметно похолодало. Наш элитный район, чистый, аккуратный, уставленный роскошными особняками – сейчас казался пустым и грустным. Что теперь? Куда идти? Я достала телефон. Хорошо, что его пока не заблокировали.

– Яна, можно сегодня у тебя переночевать?

– А что случилось? – даже не скрывая повышенного интереса, спросила подруга.

– Да так, с предками поругалась.

– Лиса, дорогая, ну, ты же знаешь, что мой папа сразу же позвонит твоему. А еще он разозлится на меня. И тогда не купит мне то розовое платье для выпускного, которое я так хочу. Понимаешь?

Я ничего не ответила, только сбросила звонок. Дядя говорил, что подруги нужны только для того, чтобы в минуту

твоего триумфа кто-то мог тебе позавидовать. И теперь я понимаю, как он был прав.

С неба сорвались первые капли дождя, и я поёжилась от дуновения коварного ветра. Что ж, в таком случае мне остается только промокнуть до нитки и умереть от воспаления легких прямо под забором родного дома! Представляю, как папа поседет в одно мгновение. Его лицо покроется морщинами скорби, а большие карие глаза превратятся в две узкие щели от выплаканных слёз. Посмотрю я тогда на него с небес, как он будет готовить подходящий к случаю десерт! А мама срежет все цветы из своего сада и застелет ими мою могилу, а потом упадёт сверху, обессиленная от рыданий, и будет молить меня о прощении за то, что не заступилась, не остановила, не пошла вслед за мной!

Дождь усиливался, и становилось не только страшно, холодно и одиноко, но еще и мокро. На телефон пришло сообщение. Оно было от мамы.

«Сейчас подъедет такси, поезжай в гостиницу «Золотое Яблоко», я сняла тебе номер. Подумай о своём поведении до утра. А я попытаюсь успокоить папу».

Одумалась! Надо же! Такси действительно сразу же подъехало. Я села на заднее сиденье. Подумать о своём поведении? О чём тут думать? Я всего лишь отстаиваю свои личные границы! Это они пусть подумают о своей тирании в отношении меня!

Поднявшись в свои роскошные апартаменты, я бросилась

на мягкую белоснежную постель и мгновенно погрузилась в сон.

Я шла по вязкой грязи, с трудом поднимая ноги. Высокие кроны деревьев трепал неугомонный ветер, срывая пожелтевшие листья и кружа их в неистовом танго смерти, прежде чем бросить гнить на пропахшую болотом землю. На мне был надет длинный, до самих пят, широкий сарафан, рукава белой рубахи заляпаны чем-то бордовым, волосы заплетены в длинную косу. Я огляделась. Казалось, что толстые стволы деревьев скрывают угрозу. Кто-то шёл за мной. Тот, кто ступает бесшумно, дышит медленно и редко, кто опаснее смерти, кто, оставаясь незримым, внушает ужас. Мои руки оледенели от холода, и я постаралась согреть их своим дыханием. Ноги стали ватными, отказываясь подчиняться моей воле.

— Кто здесь? Кто? Откликнитесь! — закричала я, вложив в силу своего голоса неистовый страх, сковывавший и одновременно побуждающий бежать без оглядки, туда, где среди болотной тины мелькают серые тени в последних лучах закатного солнца.

Я чувствовала, нет — я знала, что за моей спиной кто-то стоит, но не могла оглянуться, замерев от невыносимого, раздирающего на части испуга. Как замирают мелкие птицы, почуяв приближение опасности. Мое учащённое дыхание отзывалось эхом в кромешной тишине. Я сжала кулаки, сильно, до боли, и медленно повернулась...

Открыв глаза, я продолжала ощущать тот животный неистовый трепет перед лицом угрозы, который способен свести с ума даже самого разумного человека. Внутри всё сжалось, словно от мышечного спазма. Кожа рук и ног бодела, как после прогулки по сильному морозу. За окном лил дождь, оскверняя яркость осени серой пеленой, а в дверь настойчиво стучали.

– Ты ещё спишь? – спросила мама, врываясь в мои покои.

– Только встала, – хмуро ответила я.

– Лисонька, тебе нужно поговорить с папой. Извинись, он простит. Я знаю. Не нужно вступать с ним в споры. Старайся договориться мирно. Если не получается, то подожди, через время он смягчится и поймёт тебя. Давай сейчас вместе поедem к нему, и ты попросишь прощения.

– Я должна просить прощения? Я? За что? – Моему возмущению не было предела.

– Лиса, твой папа переживает за тебя. Боится, что ты сделаешь неверный шаг, оступишься. А он не сможет вовремя прийти на помощь. Папа желает для тебя лучшего и иногда перегибает палку. Но он очень тебя любит. Твоё счастье – главное для него.

– Он попрекает меня куском хлеба! Крышей над головой! Это он должен просить у меня прощения. Иначе я в ЕГО дом не вернусь! – Я чувствовала, что в желании настоять на своём теперь уже сама перегибала палку.

Мама глубоко и наигранно громко вздохнула.

– Что же вы оба такие упёртые? Хорошо, тогда скажи мне, как ты собираешься жить дальше? В этом отеле? На мои деньги, которые я буду украдкой брать у папы?

Я задумалась. Такой вариант мне тоже не подходил. Получалось, что мне всё равно придётся жить на деньги отца, а, значит, продолжать от него зависеть.

– Я найду себе работу.

Мама развела руки в сторону.

– Папа тоже этого хочет. Собирай вещи, поедem домой. Будем мириться. Найдём тебе интересное занятие в его ресторане. У тебя появятся свои собственные средства.

– Нет! – вспыхнула я. Знаю, что характер у меня невыносимый, сама страдаю от этого – но и изменить ничего не могу, – Я останусь здесь, пока папа не извинится и не пообещает мне, что больше не будет лезть в мои дела.

– Ты не останешься здесь, Василиса. Тебе ещё нет восемнадцати лет, и жить одна в гостинице ты не будешь. Это недопустимо. Номер оплачен только на сутки, и продлевать его я не намерена.

Мамин голос звучал непривычно строго, и это меня побуждало к еще большему сопротивлению.

– В таком случае я буду жить на улице. Вы меня вынуждаете. Я не хочу возвращаться в дом и слушать упрёки твоего мужа за то, что он тратит на меня деньги и терпит в своём доме.

– Василиса, ты ведешь себя как ребёнок. Папа только хо-

тел сказать, что деньги с неба не падают. Их приходится зарабатывать усердным трудом, жертвуя важными вещами в жизни. Он ведь всегда старался уделить тебе время, даже тогда, когда поздно возвращался домой уставшим. Конечно, ему хотелось постоянно быть рядом с тобой, но он очень много работал, думая о твоём будущем.

– Или же я буду жить вместе с дядей. А что? Будем вместе путешествовать. Искать интересные идеи для фотографий по всему миру.

Глаза мамы округлились, она по-настоящему испугалась такой перспективы.

– Я вижу, что твоему детскому упрямству нет границ. Хорошо, жить с дядей ты не можешь, и сама это прекрасно понимаешь. Мы и сами не знаем, где он сейчас находится. Пётр приезжает, когда ему вздумается, и сам звонит, если ему что-то нужно. Но ты можешь пожить несколько месяцев у тёти в Первомайске. Рядом с её домом есть школа, в которой ты бы смогла закончить вторую четверть. Я сама там училась, и у меня остались приятные воспоминания о том времени. Отдохнёшь от нашей с папой опеки, почувствуешь себя самостоятельной. А моя сестра за тобой присмотрит, мне будет спокойнее. Как тебе такой вариант?

– Какой тёти? – растерянно спросила я. И в воспоминании всплыл образ высокой, худой женщины в длинном платье до щиколоток и стянутыми резинкой волосами каштанового цвета. Мне было лет десять, когда я видела мамину

сестру в первый и последний раз.

– Как же, ты разве не помнишь тётю Лену? Она подарила тебе большую тряпичную куклу с синими волосами.

Тётю не помню, а вот куклу – очень даже. Она стала моим первым экспериментом по вскрытию неживого тела. Предложение было и заманчивым, и подозрительным. Тогда у меня в голове возникла мысль, что мама не внезапно решила отправить меня в Первомайск. Скорее всего, такой исход конфликта был заранее оговорен с папой. Уж он-то точно знал, что извиняться первой я не стану – потому что сам был точно таким же. Но, с другой стороны, вариантов у меня было немного. Или действительно идти жить на улицу, что меня совсем не прельщало, или вернуться в отчий дом. Папа ничего не скажет, криво и скудно улыбнётся, но почувствует, что победа осталась за ним. Нет, так тоже не годится. Значит, придётся соглашаться ехать к тёте Лене. А как же школа? Дзюдо, танцы, китайский, занятия музыкой, моё увлечение криминалистикой? Что скажут мои одноклассники? Как говорит дядя Петя: «Если отступать некуда, значит нужно идти вперёд. Каким бы этот перед не оказался».

– Согласна. Я почти её не помню, будет возможность познакомиться поближе.

Мама снова глубоко вздохнула.

– Тогда собирай вещи, я отвезу тебя на вокзал.

Вот так просто и сразу на вокзал? Да они точно всё уже обсудили и даже с тётей Леной созвонились!

– Я предупрежу о твоём приезде.

Ага, а заодно и переведёшь крупную сумму денег за содержание трудного ребёнка для стимуляции контроля!

Мы ехали молча. Мама сосредоточенно смотрела на дорогу, и складка между её бровями стала глубокой с изгибами.

Отстаивая свои границы, я уперлась в тупик. На самом деле никуда не хотелось ехать. Я чувствовала, что меня загнали в ловушку, из которой не так просто будет выбраться. Нет, конечно, родители не хотели от меня избавиться, переложив бремя воспитания на хрупкие плечи малоизвестной мне тётушки. Их цель – проучить меня. Думают, что я сдамся через пару недель и попрошусь назад. Что ж, посмотрим, кто не выдержит первым.

В тот момент времени мне казалось, что всё происходящее – не больше, чем игра. И она вот-вот прекратится. В том, что я была любимым ребёнком, у меня никогда не было сомнений. В конечном счёте, даже папа всегда уступал моим капризам. Но мама действительно отвезла меня на вокзал, сухо попрощалась, поцеловав в щёку, и посадила в вагон поезда. И уже сидя одна в купе, очевидно, выкупленном полностью за папины деньги, я почувствовала тоску и страх перед неизвестным мне будущим. Хотелось отбросить в сторону своё упрямство вместе с чрезмерной гордыней, схватить чемодан, выбежать на платформу, окликнуть маму и вместе с ней вернуться домой. Вернуться в привычный и комфортный мир. Но я этого не сделала. За окном замелькали берёзы,

а на душе стало тревожно. Если бы я тогда знала, что ждёт меня впереди, то повела бы себя иначе? Уверена

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.